

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

РЕГИОНАЛЬНОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Суханова Н. И.^{1*}, Литвинов В. П.², Золотарёв В. А.³

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

г. Елец, Российская Федерация

³ Российская академия естественных наук

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.09.2025

После доработки 29.09.2025

Принята к публикации 10.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление особенностей эволюции массового сознания разных слоёв полиэтнического пространства Северного Кавказа в условиях развития революционного процесса в России в начале XX в.

Процедура и методы. Опора при анализе архивных документов и исторической литературы на метод системно-функционального анализа содействовал определению места и роли Северного Кавказа в системе российских социально-политических процессов. Использование компаративного метода позволило выявить уникальность регионального восприятия эпохи революций, разобраться в системе причинно-следственных связей участия местного населения в революции.

Результаты. Анализ использованных источников подвёл к выводу о том, что, несмотря на доиндустриальный уровень развития народов Северного Кавказа, они, в силу географических и социокультурных особенностей региона, понимали важность социального и межэтнического компромисса. Этим объясняется демократическая направленность требований, как элиты, так и рабоче-крестьянской среды. Поэтому большинство населения региона поддержало Февральскую революцию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Подтверждён и обоснован вывод о неразрывности исторических судеб России и Северного Кавказа, несмотря на периодическую дискретность взаимоотношений. Опыт взаимодействия и взаимовлияния центра и региона важен для выявления факторов, содействующих росту интеграционных возможностей развития российского сообщества в условиях меняющегося миропорядка.

Ключевые слова: интеллигенция, казачество, крестьянство, рабочий класс, революция, Северный Кавказ

Для цитирования:

Суханова Н. И., Литвинов В. П., Золотарёв В. А. Региональное массовое сознание в условиях революционной России начала XX в. (на материалах Северного Кавказа) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 105–116. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

Original research article

REGIONAL MASS CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF REVOLUTIONARY RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

N. Sukhanova^{1*}, V. Litvinov², V. Zolotarev³

¹ State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Yeletsy State University named after I. A. Bunin
Yelets, Russian Federation

³ Russian Academy of Natural Sciences
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Received 12.09.2025

Revised 29.09.2025

Accepted 10.10.2025

Abstract

Aim. To identify the evolution of mass consciousness among different strata of the multi-ethnic space of the North Caucasus in the context of the development of the revolutionary process in Russia at the beginning of the 20th century.

Procedure and methods. The use of the system-functional analysis method in the analysis of archival documents and historical literature helped to determine the place and role of the North Caucasus in the system of Russian socio-political processes. The use of the comparative method allowed us to identify the uniqueness of the regional perception of the era of revolutions and to understand the system of cause-and-effect relationships of the local population's participation in the revolution.

Results. The analysis of the sources used led to the conclusion that, despite the pre-industrial level of development of the peoples of the North Caucasus, they understood the importance of social and interethnic compromise due to the geographical and sociocultural characteristics of the region. This explains the democratic nature of the demands of both the elite and the working-class population. Therefore, the majority of the region's population supported the February Revolution.

Research implications. The conclusion about the continuity of the historical destinies of Russia and the North Caucasus was confirmed and substantiated, despite the periodic discreteness of the relationship. The experience of interaction and mutual influence of the center and the region is important for identifying factors that contribute to the growth of integration opportunities for the development of the Russian community in a changing world order.

Keywords: intelligentsia, Cossacks, peasantry, working class, revolution, North Caucasus

For citation:

Sukhanova, N. I., Litvinov, V. P. & Zolotarev, V. A. (2025). Regional mass consciousness in the conditions of revolutionary Russia at the beginning of the 20th century (Based on the Materials of the North Caucasus). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 105–116.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

Введение

Перспективы развития нашей страны неразрывно связаны с судьбой всех народов, издавна входящих в состав России. Цивилизационной особенностью России является значимая роль регионов в общероссийском историческом процессе. Этим определяется важность государственной национальной политики, призванной содействовать формированию современного многонационального демократического государства. Несмотря на периферийное географическое положение Северного Кавказа, он всегда являлся регионом, занимающим в государственной политике и общественном дискурсе России одно из важных мест. Это касается проблем не только внутренней политики, но и геополитического контекста. Опыт совместного прохождения через многие исторические эпохи, особенно в кризисные времена, является необходимым для выявления условий и факторов, содействующих поиску интеграционных составляющих развития консолидированного многонационального государства.

Реакция населения Северного Кавказа на события революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны

В начале XX в. в России стали утверждаться буржуазные отношения. Новые социально-хозяйственные элементы в меньшей или большей степени проявлялись в развитии национальных окраин. Модернизация происходила во всех сферах, в т. ч. и в потребности осознания собственного статуса в системе российской государственности. Эта эволюция в силу ряда причин обрела революционный характер. Оппозиционные настроения проявлялись широким спектром – от недовольства крестьянства в вопросах земли до политических в интеллигентских, предпринимательских, военных кругах. И хотя до появления Манифеста 17 октября на Северном Кавказе политические партии не формировались ор-

ганизационно, политические интересы в указанных кругах были пёстрыми – от умеренно-либеральных до радикально-революционных. Только на собственно славянских территориях организовывались единые партии социалистов-революционеров и социал-демократов. Имели место политические требования, выдвигаемые местными Советами.

Устав Совета рабочих депутатов Новороссийска допускал руководство политической борьбой с самодержавием и наличие в отдельном регионе государственного образования, действующего до созыва Учредительного собрания, созданного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с целью учреждения в России демократической республики. А Новороссийская городская Дума рассматривала вопрос об оказании помощи бастующим рабочим¹. Промышленные рабочие Ростова-на-Дону, Екатеринодара, Грозного, Владикавказа принимали активное участие в антиправительственных выступлениях. Мощная и длительная забастовка на Владикавказской железной дороге охватила весь регион.

После 9 января 1905 г. активизировались выступления крестьянства, в т. ч. и горского. В октябре 1905 г. Веденской, Грозненский и Хасав-Юртовский округа Чечни были объявлены на военном положении. По признанию начальника Терской области в это время не остались глухими к революционной пропаганде даже некоторые казачьи станицы, где вели агитацию рабочие. Восходящие потоки в развитии революции набирали силу [1, с. 224]. Нередкими были случаи помощи местных крестьян бастующим рабочим. Несмотря на то, что значительная часть горского крестьянства находилась в феодално-зависимых отношениях, активность чеченских и осетинских крестьян, отказавшихся платить подати, была результативной.

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 169.

Летом 1905 г. в Терской области назначение правительственных старшин заменили их избранием на сельских сходах. В Дагестане летом 1906 г. 40 аулов Табасаранского округа выступили с отказом выполнять предписанные повинности. Активность дагестанского крестьянства нарастала и после 1907 г. Помимо отказа исполнять повинности, крестьяне писали жалобы в высшие инстанции на своих хозяев¹. Выступления крестьян с требованием перераспределения земли были преобладающими и достаточно активными. Нередко дело доходило до захвата помещичьих земель, погромов, порубки лесов, отказов от выплаты повинностей. Имели место многочисленные выступления рабочих, но требования их касались в значительной степени экономических вопросов. Массовые митинги проходили в аулах и казачьих станицах Кабардино-Балкарии, несмотря на то, что здесь до 1917 г. не было организации РСДРП. В период обострения революционной активности в 1906 г. в Кубанской области было введено военное положение, отменённое только в 1909 г. Оно распространялось и на горские территории Карачая и Черкессии.

Потребность этнической идентификации в годы революции 1905–1907 гг. в условиях модернизационных перемен рождала элементы психологического дистанцирования от российского государства как государства русских. Формирование национального компонента добавляло активности местному населению и становилось объединяющим северокавказское население фактором. Росту антирусских настроений содействовал новый избирательный закон, принятый после роспуска II Государственной Думы, где от горских народов был 1 депутат – чеченец. В последующих составах Думы горцы не были представлены. Кочевые народы были лишены избирательных прав.

Недовольство политикой России усиливало антирусские настроения, стали распространяться идеи пантюркизма и панисламизма. Если в предреволюционный и революционный период главные чаяния населения Северного Кавказа сводились к вопросам экономическим, то влияние модернизационных процессов и общероссийских революционных событий содействовало вызреванию политического компонента в мировоззрении сообщества южной окраины России. Результатом становилась усиливающаяся политизация общественного сознания населения Северного Кавказа. Основой Горского национального движения была местная элита, интегрированная в российское социокультурное, политико-правовое пространство, а также в элитарную военную среду. Они стремились к позитивным переменам в жизни своего народа в составе России и выдвигали общероссийские требования демократических преобразований. Ориентация на Россию светской интеллигенции не содействовала формированию её консенсуса с мусульманским духовенством [2, с. 358].

События первого десятилетия XX в. обнаружили неспособность общероссийской государственной власти к урегулированию всех общественно-политических и хозяйственных вопросов. Политическая активность славянского населения Северного Кавказа, активизация протестных движений среди горцев и инородцев вынудили возобновить институт наместничества в регионе с предоставлением его главе – графу И. И. Воронцову-Дашкову – прав Главноначальствующего. Ему предоставлялись полномочия на проведение определённых преобразований в военной, земельной, общественно-хозяйственной, административно-территориальной, социальной, судебной, культурной сферах. Их цель состояла в укреплении позиций России в регионе. Планируемые реформы были прогрессивными. С одной стороны, они содействовали росту влияния

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 43-а. Л. 2. 17.

Российского государства на Кавказе, с другой – позитивным переменам в жизни населения Кавказа. Но их реализации не произошло. Политическая модернизация также пока ещё не стала реальностью для Северного Кавказа.

Несмотря на то, что многочисленные проблемы южной провинции рассматривались на заседаниях I и III Государственных Дум, практической реализации проектов не произошло¹. Столыпинская реформа реализовывалась только в Ставропольской губернии. На территории горских и кочевых народов реформа не проводилась. Если учесть, что эти категории населения имели самые маленькие наделы, то можно понять тот факт, что социальная активность, приостановленная в 1907 г., заново усилилась в 1909–1910 гг. Пёстрый этнический и социальный состав Северного Кавказа, жёсткое следование нормам собственной идентичности в условиях нарастания системного кризиса, неспособность власти решать земельный и национальный вопрос, сформировали в регионе сложнейший узел противоречий. В таком состоянии население Северного Кавказа было вовлечено в Первую мировую войну.

Военные мобилизации, изъятие продовольствия, фуража, реквизиции лошадей и скота лишали население необходимого потенциала для существования. От 6% в горских округах до 31% в Терской области мужского населения ушло на войну, до 25% поголовья скота иъяли только за половину 1916 г.². Увеличение количества повинностей, рост цен на продукты первой необходимости – на Кубани подорожание хлеба в 2 раза, масла в 6 раз; в Дагестане в 5–6 раз общее подорожание продуктов – угрожали, по словам начальника Кубанской области, довести недостаток продовольствия «до степени голода»³.

Политика в отношении горцев строилась следующим образом. В первую очередь призывались горцы: христиан и мусульман от 19 до 43 лет призывали в армию по решению схода или для обслуживания работ⁴. Их хозяйства оставались без главных работников.

Основная часть инородческого населения не считала эту войну своей. Ответом стало немалое количество выступлений против мобилизационной политики. Более 4000 вооружённых крестьян Караногайского и Хасавюртовского округов поднялись против мобилизационной политики. Крестьяне Кабарды, Балкарии, Чечни, Ингушетии тоже выступили против военных побороов⁵.

Но имела место и другая сторона участия горских народов в военных событиях. На основании высочайшего приказа из числа добровольцев сформировали 6 полков четырёхсотенного состава, ставших основой известной «Дикой дивизии». Служба в ней давала хорошее денежное содержание и особые условия. Между тем и кавказскую военную элиту не миновала революционная пропаганда, что вносило элементы межнациональной розни и недовольство властью. В солдатской среде активной была антиправительственная пропаганда. Война содействовала переменам в общественном сознании всех слоёв общества.

Между тем война содействовала и росту кооперации, товарного производства и предпринимательства. На фоне обнищания слабых хозяйств это усиливало дифференциацию и рост классового противостояния. Массовыми становились дезертирство, бандитизм и маргинализация определённой части общества. В горских и инородческих регионах последняя не распространялась в силу традиционалистского сознания. Пройдя через поразительную войну, милитаризованное

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

² ГАСК. Ф. 1734. Оп. 2. Д. 1. Л. 6

³ ГАСК. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

⁴ ГАСК. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

⁵ Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания) Ф. 9. Оп. 1. Д. 24. Л. 77.

массовое сознание наполнялось агрессией и поиском виновных, шёл процесс десакрализации высшей власти. Осенью 1917 г. провалилась попытка царских властей сформировать ещё одну дивизию из горцев и создать из двух дивизий Кавказский туземный конный корпус¹.

Влияние Февральской революции 1917 г. на развитие национальных движений горских народов

Первая мировая война содействовала развитию революционных процессов в государстве и обществе, в т. ч. и усилению регионального политического процесса.

События февраля 1917 г. побудили местное население максимально использовать перемены для реализации собственных целей. Местная власть, поначалу боясь волнений, не торопилась оповещать население об отречении императора. Но население региона, узнав о случившемся, активно приветствовало перемены. Среди славянской части общества региональная демократическая интеллигенция активно поддержала отречение Романовых в надежде на Учредительное собрание. Она играла видную роль не только в общероссийских, но и в региональных социокультурных и политических процессах. Её представители пользовались уважением и авторитетом во всех регионах Северного Кавказа. Политическое влияние на местное сообщество тоже имело место. Деятельность политических партий активизировала выступления местного населения, участие в демонстрациях и митингах в поддержку новой власти. Между тем в защиту самодержавной власти тоже прошли митинги в Екатеринодаре, Ессентуках и ряде других городов [3, с. 113].

Казачество, приняв присягу Временному правительству, тем не менее опасалось, что перемены могут изменить их статус в государстве и права на войсковые

земли. Оно раскололось на сторонников и противников нового устройства. При том, что на места направлялись комиссары Временного правительства, реальная власть сосредоточилась в руках казачьих властных структур – станичных и хуторских правлений во главе с их атаманами. В редких случаях в станицах действительной властью обладали исполкомы Советов. Но и они действовали в одном русле с казачьими органами. Оказав значительное влияние на сознание казачества, революция содействовала трансформации его традиционных социально-политических взглядов и настроений в сторону демократических преобразований. Это было свойственно в значительной степени армейскому казачеству. Для них «крушение самодержавия ассоциировалось с окончанием ненавистной войны» Между тем казачество проявило единство в вопросах сохранения традиционных норм службы, землепользования и быта.

Местное коренное крестьянство и иногородние активизировались в выступлениях за решение земельного вопроса. Они требовали изъятия помещичьих и церковных земель, снижения арендной платы за землю. Так, в мае 1917 г. на съезде крестьянских и казачьих депутатов в Армавире было принято решение о передаче земли крестьянской и казачьей бедноте². В ряде мест проявлялась крестьянская инициатива по формированию собственных Советов. Волостные сходы сёл Летницкого, Медвежьего, Ладовской Балки, Белой Глины и др. в Ставропольской губернии приняли такие решения³. Весной 1917 г. на Северном Кавказе началось воссоздание Крестьянского союза, на съездах которого рассматривались вопросы, связанные с землёй.

Декларирование Временным правительством демократических приоритетов, уважения прав и свобод всех народов страны, преодоление всех несправедливостей и произвола царского

¹ ГАКК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

² ГАКК. Ф.р. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ ГАСК. Ф.р. 1567. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

режима содействовало тому, что горское движение в самом начале чётко обозначило себя как элемент демократических преобразований, шедших в России в целом. Эта концепция была озвучена на Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. **Главной задачей съезда было решение проблемы самоопределения мусульманских народов России** путём создания демократической республики российских мусульман на федеративной основе. Народам, не имеющим территории, предлагалось предоставить право национально-культурной автономии. Весь спектр требований – национальная армия, образование на родном языке и др. – был направлен на фактическую самостоятельность, но под крылом России. Эта позиция мусульманской элиты будет проявляться на протяжении всей последующей истории многонационального государства.

Длительный процесс совместного проживания на территории Северного Кавказа формировал новый тип исторического сознания, как горского населения, так и русских, проживающих в регионе. У представителей славянского этноса формировалось регионалистское сознание. Глубинная горская среда, вращаясь в общероссийские процессы, сочетала следование своему традиционализму с элементами общероссийского сознания. Так шёл процесс складывания специфической двойной идентичности. Следует учитывать и тот факт, что на территории Северного Кавказа проживали степные кочевые народы: ногайцы, калмыки, туркмены, называемые инородцами. В торговой и социальной сферах преобладали греки, евреи, армяне. В ходе войны в регионе оседали пленённые представители восточно-европейских народов. К тому же это была контактная зона, зона фронта, т. е. исторической нестабильности изначально. При этом все народы региона имели неоднородный социальный состав. Ещё одной провокационной составляющей являлась пёстрая конфессиональная

картина. Все эти черты военно-революционной эпохи усиливали конфликтообразующий потенциал Северного Кавказа.

И, несмотря на особый тип поведения коренного горского населения, выражавшийся в демонстрации своей исключительности, маскулинности в силу длительной изолированности и необходимости сохранения этносов, здесь формировались общие черты северокавказского общества, сложная система взаимовлияния, как основа органичного, устойчивого его функционирования. Именно этим определялись особенности политических процессов в регионе. Такой социально-политический потенциал содействовал превращению Северного Кавказа в субъект политических процессов в Российском государстве. С одной стороны, формы проявления гражданского конфликта в регионе были наиболее острыми и протяжёнными. С другой – при всей многомерности северокавказское общество понимало цену стабильности, социального компромисса, необходимости рационального подхода к разрешению противоречий. Иначе оно не смогло бы столько веков просуществовать на столь незначительной по размерам территории. В этом состояла определяющая особенность развития Северного Кавказа. Но, будучи вовлечёнными в общероссийские процессы, он не остался в стороне от судьбоносных для страны и региона событий.

Наибольшую активность проявила горская политическая элита. Формируясь на русской культурной почве или в системе государственной или военной службы, она понимала необходимость создания регионального политического центра. Стремясь сформировать широкую социальную базу преобразований, её лидеры создали «Союз объединённых горцев», в руководстве которого были представлены все горские народы и инородцы. Его работа была направлена на подготовку и проведение национальных съездов, которые бы подготовили общий

съезд горских народов Кавказа. Эти съезды приветствовали создание демократической власти в центре и на местах.

В мае 1917 г. на I съезде горских народов и казачества была утверждена Конституция Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Были приняты также резолюции об отношении к войне, Временному правительству, другим народностям, о народной милиции, чиновниках, офицерах, отмене всех национальных ограничений, праве ношения оружия, представительстве в Учредительное собрание, реформе школьного образования, печатном органе ЦК Союза и т. д. [4, с. 8]. Важнейшую задачу делегаты видели в организации национального самоуправления в составе России.

В. Г. Джабагиев – общественно-политический деятель, учёный, автор Декларации независимости Горской республики, ещё в 1905 г. высказывал идею автономного самоуправления Кавказом. Лозунг «автономия есть форма государственности» стал существенным историческим фактором национального самосознания народов Северного Кавказа. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что теоретически «неидентифицированный» концепт даже сейчас является краеугольным для интерпретации многих проблем исторического опыта народов региона [5, с. 115]. И хотя в практической плоскости вопрос автономии ещё ставить было рано, политическая элита готовилась к его реализации. Между тем, российские партии не рассматривали этого вопроса.

В политических исканиях региональных лидеров не было единства. Съезд признал необходимым избрать Верховного муфтия Северного Кавказа – Н. Гоцинского, что отражало важнейшую роль ислама среди местного населения. Это содействовало укреплению группировок, настаивавших на теократических основах автономно-федеративного устройства в составе демократической России. В Дагестане и Чечне было немало сторонников воссоздания имамата – шариатского

государства – как гарантии охранения от революционной анархии. Интересным, но исторически обусловленным представляется переплетение религиозных и демократических взглядов на процесс преобразований. Так, национально-религиозное движение в Дагестане выдвигало лозунги «хурийт» (свобода), «шариат» (справедливость), «муссават» (равенство) [6, с. 297]. Между тем, на Северном Кавказе, в отличие от других мусульманских регионов, не произошло слияние действий политической элиты с исламскими лидерами. Решение аграрного вопроса съезд оставил до Учредительного собрания.

Послефевральская революционная стихия обострила все проблемы региона, начался беспрецедентный по активности и напору поиск путей их решения как со стороны представителей модернизационно настроенных, так и консервативных горских элит. Революция дала мощный толчок и структуризацию национального движения на окраинах бывшей империи, в том числе и на Северном Кавказе. В условиях рассматриваемого региона революционно-демократическое движение, в отличие от центральных районов России, выходило за классовые рамки и имело внутри себя чрезвычайно важный национальный компонент, отражая не только классовые, но и не менее значимые в данных условиях национальные проблемы [7, с. 47].

Революционное время представляет собой сконцентрированный процесс перемен, не всегда зависящих от субъективных факторов. Собственная логика этих перемен часто опережает действия заинтересованных структур и лиц. Многое ставится в вину Временному правительству, в т. ч. и недооценка национального вопроса и промедление в его разработке и тем более реализации. Но слишком много проблем стояло перед новой властью в столь сложной стране. Только в сентябре 1917 г. оно опубликовало декларацию с обещанием самоопределения на основе решений будущего Учредитель-

ного собрания. К этому времени революционное нетерпение народов России уже формировало собственные проекты. А социалистические партии выступали под лозунгом самоопределения задолго до февраля. Тем не менее интересы северокавказских, и не только, народов получили шанс на реализацию национально-государственных амбиций.

Северный Кавказ после Октября 1917 г.

Промедление не повлияло на процесс формирования региональных представительных органов. Отсутствие информации из столицы воспринималось как акт полного доверия местной инициативе. Советы, городские Думы, различные формы местного самоуправления, наличие казачьих и горских политических центров, пытавшихся руководить на местах – всё это порождало путаницу, противоречия и политическое противостояние. Продолжала оставаться угроза «растаскивания» власти в регионе. Также бессистемно и стихийно на местах реализовывались захваты земли. Осенью 1917 г. социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе вышла из-под контроля как центральных, так и региональных органов власти. Казачество стало активно выступать против новых властных структур, пытаясь восстановить собственные формы самоорганизации. Атаман А. М. Каледин объявил на Дону о принятии всей власти и борьбе против Советов. Генерал А. И. Дутов как войсковой атаман объявил о принятии всей власти казачьим Войсковым правительством [8, с. 11]. После попыток Л. Г. Корнилова удержать страну от новой революции в некоторых городах Северного Кавказа были созданы Комитеты спасения революции. Но рост влияния большевиков был очевиден. В сентябре 1917 г. во Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске, Грозном, Минеральных водах активизировалась их пропаганда и выступления [9, с. 88].

Попыткой сохранить самостоятельность вне анархии, усилившейся в России, стало создание второго октября 1917 г. «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», поставившего целью объединение антибольшевистских сил от Дона до Урала. В середине октября 1917 г. его представители выдвинули предложение о скорейшем создании Российско-Демократической Федеративной республики¹. Это предложение характеризует задачи Союза, стремящегося к субъектности южных российских регионов в составе демократической России. После 25–26 октября 1917 г. они объявили о непризнании советской власти. Подобная картина имела место при выборах в Учредительное собрание на Кавказе. Половину голосов отдали праволиберальным силам, 40% голосов было у умеренных социалистов, десятая часть избирателей проголосовала за большевиков [10, с. 125].

По мере того, как большевики начали реализацию социальной, национальной, репрессивной политики и утверждение советских форм государственности, раскол северокавказского общества становился всё осязаемее. Формировалась система казачьего управления, было создано Терско-Дагестанское правительство. ЦК Союза объединённых горцев объявил себя «Горским правительством», провозгласившим принцип автономии входивших в неё народов. Важнейшим вопросом оно считало земельный. Но его решение за счёт казачьих земель при том, что собственно у горцев земли было крайне мало, было невозможным.

В 1919 г. правительство прекратило своё существование. Часть населения не признавало Терско-Дагестанского правительства, обвиняя его в неуважении к выборам в Учредительное собрание. В той ситуации, когда рушилась прежняя система центральной власти, рушился

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). ГАРО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 94. Л. 61.

и интеграционный потенциал, который являлся частью цивилизационных особенностей Северного Кавказа. Даже обращение к Турции за помощью не разрешило ситуации. Этот факт подтверждает, что историческое пребывание региона в орбите российской политики создавало условия для его существования и развития. Центростремительные тенденции не были реализованы, хотя отношение к большевикам у значительного количества местного населения было выжидательно-нейтральным.

Общность исторических судеб народов Северного Кавказа и России доказывала свою жизнестойкость в разные эпохи и при разных режимах, несмотря на значительные сложности и проблемы в выстраивании отношений. Дальнейшая политика большевиков, сочетание в ней методов насилия, согласия и побуждения к конформизму, понимание ими важности региона для развития мировой революции вширь, сделали своё дело. В мае 1918 г. на III съезде народов Терека была принята резолюция, признавшая неразрывную связь с Россией и советскую власть. Но на съезде также была провозглашена независимая Горская республика. Алгоритм общественного регионального сознания всегда утверждал национальную парадигму: мы в России, но мы самостоятельны.

Заключение

Массовое сознание северокавказского населения за первые 12–15 лет XX в. сделало эволюцию в сторону формирования общественного сознания. Групповые интересы разных этнических и социальных групп стали приобретать общерегиональные черты с объективным набором требований. Помимо этого эволюция проявлялась в переходе от хозяйственно-экономических требований к политическим в отношении местных и общегосударственных институтов, системы землепользования, проблем войны, культуры, образования и многих других.

События первых двух революций в России не усилили сепаратистских настроений северокавказского общества. Напротив, решение важнейших вопросов жизни большинство населения региона связывало с Учредительным собранием. Интегрированная в русское социокультурное пространство местная интеллигенция пыталась реализовать либерально-демократические взгляды на поиск форм автономии горских народов в составе федеративного российского государства. Местное крестьянство, составлявшее основную часть населения, сохраняло имперски-иерархичное ментальное сознание, которое содействовало пророссийской ориентации и утверждению федеративной Российской Республики. Славянское население Северного Кавказа, казачество и инородцы позитивно восприняли переход к новым формам государственного устройства.

Между тем, сложность в решении проблем национальной политики состояла в том, что единого рецепта для всех народов быть не могло. В этом состояла опасность роста националистических движений с собственными институциональными проектами. Открывались перспективы или распада, или гражданской войны. Неспособность Временного правительства удержать страну от распада стала одной из предпосылок прихода к власти большевиков. Большевицкая пропаганда умело делала ставку на прогрессивные национальные лозунги, которые срабатывали почти автоматически, особенно среди представителей «низов». Но реальная практическая деятельность партии начала содействовать росту сепаратизма народов Северного Кавказа. Большая часть интеллигенции металась от одного лагеря к другому, пытаясь приспособиться и выжить.

В конечном итоге они признали победу «красных», в глубине души оставаясь несогласными с новым строем [11, с. 91]. Местное крестьянство вынуждено пошло за своими лидерами. Казачество и

славянская часть населения региона оказались в состоянии раскола. Оставшаяся в России их часть тоже пошла за советской властью.

Все исторические вызовы, перед которыми оказывались Россия и Северный Кавказ, разрешались в той или иной степени их совместными усилиями. При этом, несмотря на все сложности означенного революционного периода и

чаяния северокавказского населения о земле, свободе, автономии и т. д., Россия оставалась тем якорем, который притягивал Северный Кавказ на протяжении нескольких столетий, в системе отношений с которым формировался особый тип взаимосвязи и взаимозависимости. Россия и Северный Кавказ нуждались и нуждаются друг в друге по настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарчиева С. В. Государственная дума и формирование новых национальных политических элит на Северном Кавказе (1906–1917 гг.) // *Власть*. 2020. № 6. С. 220–225.
2. Габдрафикова Л. Р. Рецензия на монографию: Матиев Т. Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921). Назрань, 2020 // *Историческая этнология*. 2021. Т. 6. № 2. С. 355–362.
3. Турпалов Л. А. Влияние Февральской буржуазно-демократической революции на процессы политической дифференциации прессы Северного Кавказа // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. № 4. С. 112–116.
4. Даудов А. Х., Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа 1917–1924 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 224 с.
5. Кажаров А. Г. Союз объединённых горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917–1920 гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3. С. 112–117.
6. Сулаев И. Х. Февральская революция 1917 г. в Дагестанской области: общественно-политическая ситуация // *Великая война 1914–1918 гг. и Кавказ* / отв. ред. Н. Н. Гарунова. Махачкала, 2016. С. 296–301.
7. Матиев Т. Х. Роль горского национального движения в революциях и Гражданской войне в России (1917–1921): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2022. 61 с.
8. Волобуев О. В. 1917 год в России: хроника революционного процесса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2017. № 5. С. 8–14.
9. Невская Т. А. и др. Очерки истории Кавказа: XX век. Пятигорск-Ставрополь: ПГЛУ, 2014. 354 с.
10. Кулиев Фарман Муруват оглы. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 г. (февраль–октябрь). Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 141 с.
11. Тучин В. А. Надежды и тревоги представителей российской интеллигенции между Октябрьской революцией и выборами в Учредительное собрание // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2016. № 3. С. 84–93.

REFERENCES

1. Darchieva, S. V. (2020). State Duma and the formation of new national political elites in the North Caucasus (1906–1917). In: *Power*, 6, 220–225 (in Russ.).
2. Gabdrifikova, L. R. (2021). Review of the monograph: Matiev T. Kh. Mountain national movement in revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921). Nazran, 2020. In: *Historical ethnology*, 6-2, 355–362 (in Russ.).
3. Turpalov, L. A. (2019). The influence of the February bourgeois-democratic revolution on the processes of political differentiation of the press of the North Caucasus. In: *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4, 112–116 (in Russ.).
4. Daudov, A. Kh. & Meskhidze, D. I. (2009). National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus 1917–1924. St. Petersburg: St. Petersburg. University Publ. (in Russ.).
5. Kazharov, A. G. (2011). Union of United Highlanders and the problem of autonomy of the peoples of the North Caucasus in 1917–1920. In: *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13-3, 112–117 (in Russ.).

6. Sulaev, I. Kh. (2016). February Revolution of 1917 in the Dagestan region: socio-political situation. In: Garunova, N. N., ed. *The Great War of 1914–1918 and the Caucasus*. Makhachkala, 296–301 (in Russ.).
7. Matiev, T. Kh. (2022). *The role of the mountain national movement in revolutions and the Civil War in Russia (1917–1921): [dissertation]*. Volgograd (in Russ.).
8. Volobuev, O. V. (2017). 1917 in Russia: a chronicle of the revolutionary process. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 5, 8–14 (in Russ.).
9. Nevskaya, T. A. et al. (2014). *Essays on the history of the Caucasus: twentieth century*. Pyatigorsk-Stavropol: PSLU Publ. (in Russ.).
10. Kuliev Farman Muruvvat oglu (2004). *Political struggle in the North Caucasus in 1917 (February–October)*. Pyatigorsk: PGLU Publ. (in Russ.).
11. Tuchin, V. A. (2016). Hopes and anxieties of representatives of the Russian intelligentsia between the October Revolution and the elections to the Constituent Assembly. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 3, 84–93 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суханова Наталья Ивановна (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097

Литвинов Владимир Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: vladlenli@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7082-9805

Золотарёв Владимир Антонович (г. Москва) – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник РФ I класса, вице-президент РАН, председатель Секции Военной истории и теории Российской академии естественных наук;
e-mail: zetva1946@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Ivanovna Sukhanova (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097;

Vladimir Petrovich Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yeletsky State University named after I. A. Bunin;
e-mail: vladlenli@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7082-9805

Золотарев Владимир Антонович (Moscow) – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor, Full State Counselor of the Russian Federation, Class I; Vice-President of the Russian Academy of Natural Sciences; Chair of the Section of Military History and Theory of the Russian Academy of Natural Sciences.
e-mail: zetva1946@list.ru